

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М82

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Иллюстрации ЛЕОНИДА ТИШКОВА,
в оформлении переплёта использована картина
“Сердце мое, не покидай меня!” (2004)

Москвина, Марина Львовна.

М82 Вальсирующая : повести, роман / Марина Москвина. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 251, [5] с. —
(Классное чтение).

ISBN 978-5-17-122129-4

Марина Москвина — автор романов “Крио” и “Гений безответной любви”, сборников “Моя собака любит джаз” и “Между нами только ночь”. Финалист премии “Ясная Поляна”, лауреат Международного Почетного диплома *IBBY*.

В этой книге встретились новые повести — “Вальсирующая” и “Глория Мунди”, — а также уже ставший культовым роман “Дни трепета”. Вечность и повседневность, реальное и фантастическое, смех в конце наметившейся драмы и печальная нота в разгар карнавала — главные черты этой остроумной прозы, утверждающей, несмотря на все тяготы земной жизни, парадоксальную радость бытия.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122129-4

- © Москвина М.Л.
- © Тишков Л.А., иллюстрации
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление
- © ООО “Издательство АСТ”

Содержание

ВАЛЬСИРУЮЩАЯ

ПОВЕСТЬ

7

ГЛОРИЯ МУНДИ

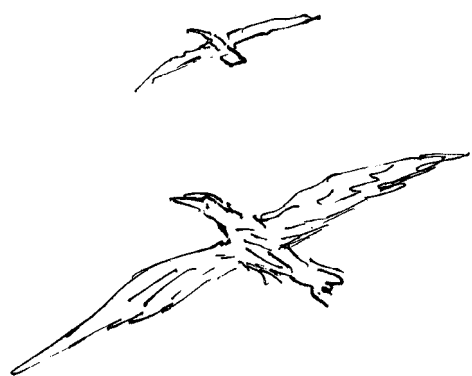
ПОВЕСТЬ

95

ДНИ ТРЕПЕТА

РОМАН

149

вальсирующая

Повесть

Только что прошел ливень, и вода еще потоками стекала с крыши по жестяному желобу в переполненную бочку, нам ее присоветовала купить у проезжих шаромыжников соседка Женечка, жена Генки-милиционера: бежит вдоль забора, кричит: “Искра, Маруся, бочки привезли, такая нужная вещь, ну прямо без нее никуда...”

Надо было видеть наши с мамой недоуменные лица, когда мы эту бочку подкатили к нашему крыльцу и мама сказала, немного поостыв: я знаю, что делать с этой бочкой, в ней будет сидеть твой отец, как Диоген.

С веток и листьев капала вода, шевелилась, теплилась, струилась по канаве под мосточком, сооруженным давно когда-то плотником Пал Иванычем, он тогда еще нам построил дровяник, деревянную “душевую”, куда, конечно, никто не собирался проводить никакого душа, и туалет из сосновой доски с двумя очками, где за тридцать лет никто и никогда не сиживал... плечом к плечу.

Зато единственное ведро с компостом, выставленное по дну мясистым лопухом, под насмешливые комментарии картофельного человека Афанасия, гибнущего в неравной борьбе с колорадским жуком (“Лёха, ты что там — клад ищешь?”), всегда выносил Лёшик и закапывал под забором:

— Почему содержимое этого ведра, — задумчиво спрашивал он порой, — закапываю всегда я, а больше — никто и никогда?

Сынок с юных лет отзывался беспечно:

— Потому что тебе это интересно!

— Да. Мне интересно, — Лёша говорил. — Но я этот интерес вызываю в себе искусственно и всячески его подогреваю, думаю, что там, в этой яме, может быть, найду оружие с времен войны или флаг партизанский...

Я тогда Лёшика очень ревновала к одной самодеятельной артистке: замороженная его талантом, она взялась похаживать к нему в мастерскую, резать засучив рукава колбасу на вернисажах в его рубашке, и в один прекрасный день Лёша мне признался, что-де у него есть знакомая девушка-мим (а то я не знала!), так вот, она будет у него на выставке среди сшитых мной даблоидов фланировать совершенно голой.

Где-то я уже писала об этой его симпатии, драматизируя мои страдания, умалчивая о том, что когда разжигала печку в Уваровке, мне попался газетный обрывок с ее портретом. Ослеп-

ленная яростью, я собралась изорвать его в клочья, но вдруг осознала, что каналья, прикрыв глаза, с блаженной улыбкой сидит в позе созерцания — так Будда в роще между Гаей и Урувиллой сидел под деревом бодхи, наслаждаясь светом обретенного Всеведения.

Не то чтобы я преисполнилась почтением к ее великосвятости, врать не стану. Но что мне было делать с этим портретом? Бросить в горящую печь? А оригинал отгаскать за волосы, следуя пылким возлюбленным Пикассо? Однако плутовка предусмотрительно была острижена под ноль, что делало невозможной праведную битву.

Искра меня поддерживала со всех сторон, подставляла дружеское плечо, ей и самой вечно приходилось быть начеку, Галактион до сих пор, на своем девятом десятке, — катастрофический любимец женщин. Однажды мать моя, она работала на телевидении, попросила Галактиона (у него была шикарная бирюзовая “Волга” с серебряным оленем) привезти на студию артистку Элину Быстрицкую.

По мягкой повадке и глубоко проникающему взгляду с поволокой звезда экрана мигом поняла, что этот парень не простой возникчий. Он ждал ее в гостиной, пока она не спеша наводила марафет, отвез на студию, ну а потом, говорил мне загадочно, когда Искры уже не было на свете, мы долгое время *перезванивались*. Вдруг он

увлекся женой знаменитейшего дирижера, не будем называть имена, — познакомился с ней в троллейбусе! — и зачастил в Дом композиторов, та в секретариате возглавляла приемную комиссию.

Прознав об этом, Искра (а от нее никогда никому ничего не удавалось скрыть!) нацепила бабушкины очки — верней, роговую оправу без стекол, — выудила из сундука всклокоченный парик, доставшийся в наследство от ее героического отца, старого подпольщика, соратника Ильича (именно вождь пролетарской революции настоял, чтобы девочку назвали в честь первой большевистской газеты!), накинула какую-то хламиду — и в таком виде явилась в секретариат Союза композиторов.

Мигом определив соперницу (женщины у старика-отца были, как говорится, на один покрой), Искра поинтересовалась, какие нужны документы для вступления в Союз.

Опасливо поглядывая на бетховенскую шевелюру соискателя (а куда деваться-то? У них там и не такие типы проходят чередой!), та отвечала через губу, мол, понадобятся клавиры, партитуры и перечень произведений, из которых следует хотя бы минимальный навык владения композиторской техникой.

— И предупреждаю, — она добавила противным голосом чиновничьим, — у нас в приоритете качественная академическая музыка, так что

заявки лиц, сочиняющих авторскую песню, джаз и прочая, будут рассматриваться в последнюю очередь.

— Это почему же? — въедливо заметила Искра, как раз равнодушная к джазу и авторской песне.

— А вы, собственно, в каком жанре работаете? — спросила наша гипотетическая разлучница.

Именно в эту минуту дверь отворилась, и на пороге обозначился Галактион с тортом и гвоздикой.

Повисла пауза.

— В жанре “...и прочая”, — ответила моя доблестная мать. После чего поднялась и с достоинством удалилась.

Ни скандалов, ни выяснения отношений — про обоюдный визит в Союз композиторов никто не проронил ни слова.

Однако тема была закрыта.

Не раз и навсегда, конечно, боже упаси, но эта глава нашей жизни благополучно завершилась.

Лишь несколько лет спустя благородный Галактион явился домой под утро. Подозреваю, виной тому были балерины Большого театра, которым он дважды в неделю за полчаса до репетиции тщетно вдалбливал в гладко причесанные головки с пучками на затылках основы марксизма-ленинизма. Они впархивали в аудиторию на

пуантах, порою в перьях и балетных пачках, слушали вполуха, а потом звали его на утреннюю репетицию или — вечером, если не заняты в спектакле, на Садово-Каретную “к Сашеньке Годунову”. Зато на экзамене в присутствии представителей горкома, вручая балетной фее билет с вопросом, Галактион напоминал, понизив голос:

— Вы, конечно, помните, что пять признаков империализма — это...

Стараясь не шуметь ключом в замке, он вкрадчиво просочился в прихожую, где стояла Искра, не сводя с него испытующих глаз. А далее произошло нечто, приводящее меня до сих пор в ужас и восторг. Отец сомкнул на переносице брови и пророкотал неожиданно строго, как Зевс-громовержец с вершины Олимпа:

— ...ДЕТИ ...НАКОРМЛЕНЫ???

Софокл гордился бы таким драматургическим ходом, Шекспир посыпал главу пеплом в иных мирах, что не его осенила эта гениальная реплика. Искра, конечно, тоже ее оценила, поскольку сама была сценаристом и знала толк в вылетевшем как воробей слове, снайперски попавшем в цель, в нечаянной фразе, полностью менявшей дело, поэтому ей не страшны были бури и фьорды худсоветов.

Станут отсматривать материал о покорителях целинных земель по ее сценарию, а там хлебоборобы заходят в столовую, усаживаются, давай ложками стучать, и все до одного — в ушанках.

— За стол садятся, не молясь и шапок не снимая, — с укором продекламирует главный.

Искра мгновенно под этот видеоряд настроит:

“Сильные ветры дуют в степях Казахстана. Снимут хлебобобы шапки, простудятся, кто будет хлеб давать стране?”

Она обладала феноменальным даром лавировать между Сциллой с Харибдой и выкарабкиваться из любых ситуаций, связанных с освещением бессмысленных затей вершителей наших судеб, таких, как перекрытие Енисея, возвеличивание царицы полей кукурузы и прочее. Был забавный случай, когда она привезла съемочную группу в какой-то подмосковный совхоз, вывели директора для интервью на кукурузное поле: “Камера!..” А он стоит, смущенный: кукуруза ему по грудь, не то что у других — выше головы и “с ручками”. Но до тех-то — ехать и ехать. А этот — вот он: гора Ай-Петри возвышается над кукурузными метелками и что-то бубнит себе под нос про неблагоприятные климатические условия.

Искра ему: “А вы присядьте...”

— Не нам сетовать на эпоху, в которую выпало жить, — говорила Искра.

Она прошла всю войну, с 61-й армией дошла до Берлина, вернулась в Москву от Эльбы.